

С. Л. Фирсов

Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 году

DOI 10.47132/1814-5574_2020_4_184

Аннотация: В Синодальную эпоху причисление праведника к лику святых было явлением экстраординарным: до середины XIX в. были канонизированы только лишь три святителя. Причем в каждом из случаев особое внимание уделялось нетленности мощей угодника Божия как неперемennomу условию признания святости. Тем интереснее проследить, как совершалась канонизация святителя Митрофана Воронежского, ставшая настоятельно желаемой после многих произошедших по молитве к нему исцелений во время эпидемии холеры, посетившей Россию на рубеже 1830-х гг. Опираясь на архивные источники и публикации периодической печати, сопровождавшие подготовку к канонизации и последовавшие за ней события, историю составления жития святителя Митрофана, автор подробно прослеживает этот процесс, уделяя пристальное внимание деталям, на которые при канонизации обращалось особое внимание, насаждаемой идеологической переключке личностей Петра I и Николая I через их внимание к свт. Митрофану, а также взаимодействию при организации канонизации епархиальных властей, Св. Синода и Российского императорского дома.

Ключевые слова: святитель Митрофан Воронежский, канонизация, нетленность мощей, епископ Воронежский Антоний (Смирницкий), митрополит Московский Филарет (Дроздов), Николай I, эпидемия холеры 1830-х, имперская идеология.

Об авторе: **Сергей Львович Фирсов**

Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: sfirsoff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-4489>

Ссылка на статью: *Фирсов С. Л.* Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 году // *Христианское чтение.* 2020. № 4. С. 184–198.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2020

Sergei L. Firsov

**Imperial Saint. Toward a History of the Canonization
of St. Metrophanes of Voronezh in 1832**

DOI 10.47132/1814-5574_2020_4_184

Abstract: In the Synodal era, the canonization of a righteous man was an extraordinary event: until the middle of the 19th century, only three saints were canonized. Moreover, in each of these cases, special attention was paid to the incorruptibility of the relics of the saint of God as an indispensable condition for the recognition of holiness. It is all the more interesting to trace how the canonization of Metrophanes of Voronezh, was carried out. It became urgently desired after many healings that took place through prayer to him during the cholera epidemic that occurred in Russia at the turn of the 1830s. Relying on archival sources and publications of periodicals that accompanied the preparation for canonization and the events that followed it, as well as the history of the compilation of the life of St. Metrophanes, the author traces this process in detail, paying close attention to the details of the canonization process, the imposed ideological roles of the personalities of Peter I and Nicholas I and their attention to St. Metrophanes, as well as the interaction of the diocesan authorities, the Holy Synod and the Russian Imperial House in organizing the canonization.

Keywords: Metrophanes of Voronezh, canonization, incorruptibility of relics, Bishop Anthony (Smirnitsky) Voronezh, Metropolitan Philaret (Drozdov) of Moscow, Nicholas I, cholera epidemic of the 1830s, imperial ideology.

About the Author: **Sergei Lvovich Firsov**

Doctor of Historical Sciences, Professor of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: sfirsoff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-4489>

Article link: Firsov S. L. Imperial Saint. Toward a History of the Canonization of St. Metrophanes of Voronezh in 1832. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 4, pp. 184–198.

Причисление праведника к лику святых Православной Российской Церкви — событие в Синодальную эпоху экстраординарное. До середины XIX в. канонизированы были только три святителя: митрополит Ростовский Димитрий, епископ Иркутский Иннокентий и епископ Воронежский Митрофан. Прославление первого состоялось в 1757 г., при императрице Елизавете Петровне; второго — в 1804 г., при императоре Александре I. Ранее, в 1798 г., Синодальным указом было подтверждено прежде существовавшее местное почитание Феодосия Тотемского. Примечательная подробность: в каждом из упомянутых выше случаев отмечались не только факты совершения чудотворений по молитвам праведника, но и факт нетленности мощей. Последнее обстоятельство следует отметить особо: в то время нетленность воспринималась как *обязательное условие*, без которого говорить об официальных действиях священноначалия, направленных на организацию торжеств по прославлению, было невозможно. В этой связи становится понятным и то, почему вопрос о канонизации епископа Воронежского Митрофана (1683–1703) был для Св. Синода непосредственно связан с изучением состояния мощей святителя.

Разумеется, не менее важен был и вопрос о связанных с именем еп. Митрофана чудесах. С формальной точки зрения, вопрос разрешался довольно просто: требовалось собрать и проверить поступавшие свидетельства, опросить тех, кто считал, что именно по молитве этого праведника получил помощь или избавился от болезни. Однако неизменно оставался другой вопрос: а с каких пор (и почему именно с *этих* пор) верующие заговорили о конкретном человеке как о чудотворце?

В нашем случае ответ на него первоначально не был очевиден. Показательно, что в первом письме епископа Воронежского Антония (Смирницкого; 1773–1846), адресованном обер-прокурору Св. Синода князю П. С. Мещерскому весной 1830 г., отмечалось: «в сем году, *неизвестно по какому поводу*, началось многолюдное и со дня на день увеличивающееся стечение как Воронежских граждан, так и окрестных жителей к гробу Святителя для совершения памяти о нем; из числа таковых некоторые с верою испрашивавшие себе помощи от молитв Святителя, являлись после ко мне [и] удостоверяли о полученном ими в разных болезнях чудесном исцелении, что все и замечается мною с надлежащею подробностью в заведённой для того домашней записке» (выделено мной. — С. Ф.) (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 1 об.).

Фраза — «неизвестно по какому поводу» — характерна. Она свидетельствует, что правящий архиерей Воронежской епархии не знал (или, по каким-то неведомым причинам, делал вид, что не знает), что послужило причиной резко выросшего интереса православных к свт. Митрофану, приведшего к итоге к его прославлению. Современная исследовательница жизни и прославления св. Митрофана Я. Э. Зеленина (первая и введшая в исторический оборот цитированное выше письмо) полагает, что развившееся в 1830-е гг. «широкое почитание святителя, при скудости сохранившихся известий о его прижизненных подвигах и чудесах, конечно, было откликом на обильный поток удивительных происшествий, чудес, исцелений, да и на саму духовную атмосферу, образовавшуюся вокруг св. Митрофана в годы его прославления» [Зеленина, 1998, 242].

Отметим сказанное: скудость известий о прижизненных подвигах и чудесах свт. Митрофана и, одновременно, обилие информации о том же в 1830-е гг. Как это понимать? Быть может, обратить внимание на то, что активное почитание святителя оказалось связано именно с 1830-м г., когда в Россию пришло одно из наиболее опасных инфекционных заболеваний XIX в. — холера. Я. Э. Зеленина приводила приложенное к письму костремского губернатора графа С. С. Ланского (1777–1862) частное послание некоего жителя Воронежа, получившее широкую огласку. В нем сообщалось, что риза свт. Митрофана, несмотря на прошедшие с его кончины многие десятилетия, совсем новая, и от нее верующие получают исцеление. Неизвестный писал также, что еп. Антоний во время молебна удостоился видения еп. Митрофана. Сообщалось также, что келейник вл. Антония 23 ноября 1830 г. увидел сидевших под собственными портретами епископов — Митрофана и Тихона Задонского. Святители потребовали

у келейника призвать владыку. Тот пришел и услышал от еп. Тихона, что его, владыки Антония, молитвами Воронежская губерния будет спасена от холеры. На это замечание Воронежский архиерей заметил, что не его молитвами, а молитвами свт. Митрофана. Однако святитель возразил: «хотя я и угодил Богу, но ты за меня упротсил» [Зеленина, 1998, 242].

К сожалению, Я. Э. Зеленина не отмечает, что реакция графа на подобные рассказы была достаточно резкой. Он послал собственную реляцию обер-прокурору Св. Синода, а тот, в свою очередь, переслал ее (в копии) еп. Антонию. Оправдываясь и называя письмо С. С. Ланского несправедливым и обидным, владыка писал князю П. С. Мещерскому (7 февраля 1831 г.), что им, как Воронежским архиереем, употребляются все меры осторожности к отвращению в народе преждевременных предубеждений и «несообразных с истиной соображений» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 21–22 об.).

Не касаясь в данном случае причин, заставивших Костромского губернатора направить личное письмо главе духовного ведомства (о них речь пойдет позже), следует признать, что для Св. Синода этот вопрос был весьма важен. Ещё 16 мая 1830 г. там слушалось предложение князя П. С. Мещерского, при котором прилагался список с отношения Воронежского архиерея об особом почитании свт. Митрофана. Тогда же было принято соломоново решение: *секретно* уведомить владыку, «чтобы он по случаю распространившегося почитания памяти Епископа Митрофана и оглашаемых от того исцелений усугубил со своей стороны благоразумные меры осторожности, дабы преждевременно не утвердить в жителях мыслей о святости сего пастыря и не возбудить общего и настоятельного желания к открытию его тела, внушая напротив прозорливое и терпеливое ожидание особенного и более ясного произволения Божия к прославлению оного» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 14). В июле 1830 г. еп. Антоний проинформировал обер-прокурора о том, что его указание «приемлет с благоговением» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 16).

После всего этого, собственно, и случился «казус» с письмом Костромского губернатора. Человек просвещенный, хорошо знавший литературу, в 1810-е гг. входивший в масонскую ложу и некоторое время даже состоявший в «Союзе благоденствия», С. С. Ланской, можно предположить, отнесся к сообщениям о чудесах скептически. Скептицизм и стал причиной посылки письма. Однако оно никак не повлияло на дальнейший ход событий: собрание сведений о чудотворениях по молитвам и на могиле свт. Митрофана продолжилось. А 18 декабря 1831 г. еп. Антоний послал обер-прокурору секретное письмо, в котором сообщал об освидетельствовании тела святителя (при проверке прочности фундамента храма и «перемещении пола»). Указывалось на нетленность (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 33–36). В начале января 1832 г. князь П. С. Мещерский сообщил об этом членам Св. Синода (опять-таки — в «секретном» предложении, указав, что император повелел представить заключение относительно нетленности) (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 44–45).

Понятно, речь шла об официальном освидетельствовании. Однако до того, как это произошло, появился царский указ Св. Синоду от 19 января 1832 г., в котором от еп. Антония требовалось представить записку о чудесных исцелениях при гробе святителя. Об этом владыка «секретным письмом» сообщил обер-прокурору 3 февраля 1832 г., перечислив некоторые имена исцелившихся (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 54–55).

Наконец, 12 марта 1832 г., опять же «секретно», обер-прокурор сообщал Воронежскому владыке положительную резолюцию императора Николая I на докладе «Об открытии в Воронеже нетленного тела Епископа Митрофана» и указывал, что Св. Синод считал необходимым составить комиссию из трех духовных лиц, присоединив к ней еще три или четыре «достойных лица», дабы приступить к освидетельствованию. Кроме того, комиссии полагалось исследовать случаи и события, приписывавшиеся молитвам святителя. В случае невозможности опросить тех, кто исцелился по его молитвам, предусматривалось проведение опроса благонадежными

духовными лицами на местах проживания исцелившихся (вне Воронежа). Все материалы комиссии должна была представить Св. Синоду (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 62–67 об.).

Освидетельствование не заставило себя долго ждать. Оно состоялось 18 и 19 апреля 1832 г. Акт подписали два архиерея — архиепископ Рязанский и Зарайский Евгений (Казанцев; 1778–1871) и епископ Воронежский и Задонский Антоний, и пять священнослужителей: архимандрит Московского Спасо-Андрониева монастыря архимандрит Гермоген; протоиереи кафедрального собора Воронежа: Михаил Подзорский (ключарь), Михаил Крябин и Иаков Покровский; а также протоиерей Троицкого собора Владимир Замяткин. Обратим внимание на то, что среди членов комиссии был архиеп. Евгений (Казанцев) — «ученый монах», одно время служивший ректором Московской семинарии и профессором богословия.

Текст освидетельствования, впервые опубликованный Я. Э. Зелениной [Зеленина, 1998, 253–256], — чрезвычайно интересный и важный документ, о котором следует сказать отдельно. Но прежде чем начать о нем разговор, думается, следует обратить внимание на то, что церковные составители специально затронули и историю захоронения святителя (составив «краткое описание жизни и деяний первопрестольного Воронежского преосвященного Митрофана»).

Охарактеризовав основные вехи жизни и служения еп. Митрофана, они специально остановились на вопросе о похоронах святителя и о сохранности его тела. Рассказ содержал сведения о том, что похоронен он был в схимническом одеянии в приделе новопостроенной церкви, в устроенном под церковью выходе. Когда же собор, спустя некоторое время, необходимо было разобрать, «то тело его перенесено [было] под бывшую тогда деревянную соборную колокольню св. церкви Неопалимая Купины». В 1718 г., при митр. Пахомии (Шпаковском; 1672–1723), построили Благовещенский кафедральный собор, и тело еп. Митрофана погребли в правом его крыле около южной стороны. «При обоих перенесениях тело его оказывалось еще невредимо», — специально подчеркивали составители описания (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1244. Л. 6).

Данное описание составлялось до того, как проведено было официальное освидетельствование мощей, и должно было убедить членов Св. Синода в том, что и ранее, еще в XVIII в., тело еп. Митрофана чудесным образом оставалось нетленным. Подписавший документ еп. Антоний не забыл отметить и факт сохранения в соборной ризнице кафедрального собора Воронежа мантии святителя, которая, по утверждениям старожилов, употреблялась во время его келейного молитвословия. Далее вл. Антоний, ранее писавший обер-прокурору о своем незнании повода, приведшего в 1830 г. к усиленному почитанию святителя, излагал причины и следствия этого почитания.

«По строгой жизни и примерной ревности о благе Церкви и святости христианского правоверия, — отмечал Воронежский архиерей, — имя сего святителя всегда вспоминалось и поныне вспоминается с особенным благоговением. Многие притекали ко гробу его и совершали о упокоении души его панихиды. Иные в день кончины его 23 ноября, ежегодно отправляли оные. Разновременно и из разных мест привозимы были больные и одержимые разными недугами ко гробу сего святителя, и по желанию их, налагалась на них во время отправления панихиды мантия. В начале 1830 года при гробе святителя Митрофана открылось постоянное служение молебнов Одигитрии Божией Матери и отправление о упокоении души его панихиды. Поводом сему были наипаче первые два случая» (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1244. Л. 6 об.).

После сказанного помещались истории, числом 11, в которых излагались сообщения о молитвенной помощи страждущим свт. Митрофана. Первые (об излечении дочери купца Попова Агнии и восьмилетней девочки) были помечены 1829 г. Показательно также, что все эти истории записаны разными почерками (следовательно, заносились в разное время разными людьми). Да и сама книга («Краткое описание...»)

представляет собой переплетенные картонные листы большого формата. На лицевом картоне (в левом верхнем углу) есть отметка: «Рукопись № 1244 Архива Святейшего Синода». В левом нижнем углу помещена наклейка, говорящая о том, что рукопись принадлежала библиотеке Святейшего Правительствующего Синода. Вероятно, это была тетрадь, представлявшая собой собрание первых материалов, свидетельствовавших о чудесах, происходивших на могиле свт. Митрофана либо по молитвам к нему обращавшихся православных (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1244. Л. 6 об.–15)¹. Эту тетрадь, смею предположить, в 1831 г. отправил в Св. Синод сам епископ Воронежский Антоний².

Говоря об освидетельствовании, следует отметить, что оно было проведено с исключительной тщательностью и включало как подробное описание сохранности тела, так и одежду, гроб и само место погребения святителя. Комиссия однозначно констатировала нетленность, указав также на сохранившееся в гробу Евангелие и четвероколенный сердоликовый крест³.

Итак, нетленность была зафиксирована официально. Данное обстоятельство не в последнюю очередь и решило дело: ведь по мнению православных богословов того времени «нетление св. мощей в христианской Церкви есть истинно дело Божие, что Бог производит оное Своей всемогущей силою сообразно с премудрыми и благодетельнейшими планами Своего Промысла о роде человеческом вообще, и особенно о роде христианском» [Соснин, 1832, 67].

После получения данных комиссии Св. Синод поднес императору Николаю I всеподданнейший доклад, приурочив его к дню рождения монарха (25 июня). Из этого доклада подданные могли узнать ход дела по подготовке к прославлению свт. Митрофана, в том числе и имена тех, кто входил в комиссию, исследовавшую вопрос о нетленности и историю чудес. Но, на мой взгляд, наибольший интерес представляют начальные пассажи доклада, в котором недвусмысленно проводится сравнение царствований императора Николая I с императором Петром Великим. «Во дни благословенного Царствования Вашего, Всемиловитивейший Государь, — писали члены Св. Синода, — когда Святая Церковь с высоким утешением видит непрестанные Монаршие попечения о насаждении истинного благочестия в великом нашем Отечестве, Царю Царствующих, Господу Богу, благоугодно было, к вящему утверждению оного, прославить особенными знаменами благодати память святителя, который во время селичайшего из предков Ваших служил благолепным украшением Российской иерархии» (С.-Петербургские ведомости. 1832. 18 августа. № 194. Чт. С. 807; Московские ведомости. 1832. 27 августа. № 69. Суббота. С. 3066).

Свт. Митрофан славился, таким образом, не только как чудотворец и праведник, но и как *символ преемственности* самодержавной власти. Эта мысль получит свое развитие и утверждение и при проведении торжеств прославления первого Воронежского архиерея — в августе 1832 г. Назвать это случайностью у нас нет никакой возможности.

Завершая доклад, члены Св. Синода полагали необходимым «тело Воронежского епископа Митрофана, в схимонасах Макария, признать за мощи несомнительно

¹ Стоит отметить и то, что данное дело (тетрадь) состоит из 45 листов, среди которых только первые 15 заполнены. Следовательно, тетрадь отправили в Св. Синод «по требованию», используя то, что на тот момент только и имели в епархии. В данном случае следует обратить внимание на то, что в дальнейшем, при подготовке канонизации, «в Синод было представлено описание 99 случаев исцелений и чудес св. Митрофана у его гроба, от его мантии и изображений — до торжественного прославления св. мощей регулярные донесения о последующих чудесах также оседали в архиве Синода» [Зеленина, 1998, 214–242].

² Весной 1832 г. еп. Антоний отправил в Св. Синод новую «Краткую записку об исцелениях, приписываемых заступлению святителя Митрофана и ознаменованных во многих случаях явлениями его и другими чудными событиями». Записка содержала описание 37 случаев исцелений. См. (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 92–95 об.).

³ См. (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 88–91 об.); см. также: (РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 111. Л. 6–9 об.).

святыи»; вынести их из подземного склепа и открыть для общего поклонения; составить святителю общую службу, пока не будет составлена и одобрена Св. Синодом особая ему служба; память святителя отмечать в день его кончины — 23 ноября.

Одновременно с докладом следовало и отдельное обращение синодалов к монарху, в котором говорилось о поднесении ему подлинного донесения об освидетельствовании мощей, и краткое описание чудес, удостоверяющих святость. На докладе император оставил лаконичную запись: «Согласен с мнением Святейшего Синода» (С.-Петербургские ведомости. 1832. 18 августа. № 194. Чт. С. 808; Московские ведомости. 1832. 27 августа. № 69. Суббота. С. 3066)⁴.

Члены Св. Синода тогда же получили императорское разрешение на то, «чтобы для большей торжественности открытия первого явившегося в царствование Его Императорского Величества чудотворца отряжен был для сего один из членов Синода, по собственному благоусмотрению Его Величества». Император Николай I назначил для поездки в Воронеж архиепископа Тверского и Кашинского Григория (Постникова; 1785–1860) (РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 111. Л. 5), в 1856 г. ставшего столичным митрополитом и первоприсутствующим членом Св. Синода.

1 августа 1832 г. архиеп. Григорий прибыл в Воронеж и возглавил церковные торжества. Торжества были приурочены к празднику Преображения Господня. В час дня во всех церквях города начался благовест, продолжавшийся полтора часа. К открытию мощей приступили в три часа дня. Из Благовещенского собора их торжественно вынесли в специальной раке. Впереди несли хоругви и образа, позади — балдахин на столпах с укрепленной наверху архиерейской мантией. Балдахин несли первые лица губернии: гражданский губернатор Д. Н. Бегичев, губернский предводитель дворянства С. А. Викулин, генерал-майор князь Голицын, жандармский полковник Коптев. Мощи торжественно были внесены в Архангельский собор. На торжествах, по сообщению прессы, «присутствовало огромное множество народа», а «город был иллюминирован».

На следующий день архиеп. Григорий и еп. Антоний совершили в Архангельском соборе Божественную литургию, в конце которой Тверской архиерей сказал назидательное слово. Затем перед ракой свт. Митрофана архиеп. Григорий прочитал специальную молитву, и все присутствовавшие были допущены к целованию мощей. День завершился торжественным обедом, данным еп. Антонием для дворянства, чиновников и купечества. Около собора устроили обеденные столы для нищих (С.-Петербургские ведомости. 1832. 27 августа. № 202. Суббота. С. 839; См. также: Московские ведомости. 1832. 7 сентября. № 72. Среда. С. 3179). На торжестве еп. Антоний произнес пространное «Слово», в котором, среди прочего, сказал, что император Николай Павлович «по вере и благочестивейшим делам своим» поистине великий (Московские ведомости. 1832. 24 сентября. № 77. Суббота. С. 3383). Слушатели не могли не заметить сравнения: Пётр Великий, «на раменах своих» несший некогда гроб свт. Митрофана, и «поистине великий» по благочестивым делам его самодержавный потомок, в царствование которого этот святитель торжественно прославлялся.

Празднования продолжились две недели спустя: 14 августа 1832 г. еп. Антоний совершил Литургию и молебен новому святому, провозгласив многолетие императору и Августейшему дому, и вручил икону св. Митрофана присутствовавшему на службе камергеру Бибикову — для поднесения ее императору (на время Литургии и молебна икона была положена на мощи). Всё завершилось, как и в начале августа, торжественным обедом. 15 августа, в праздник Успения Божией Матери, обед для неимущих богомольцев устроил уже камергер Бибиков. 19 августа, отправляясь в С.-Петербург, Бибиков принял от еп. Антония специальное письмо императору, а также три иконы свт. Митрофана, также «при особых письмах», для поднесения императрице

⁴ Доклад подписали все члены Св. Синода за исключением протопресвитера П. В. Криницкого (1751–1835), отсутствовавшего в столице, но ранее давшего «согласное с общим заключением мнение» (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 100).

Александр Фёдоровне, наследнику престола и великому князю Михаилу Павловичу (Московские ведомости. 1832. 24 сентября. № 77. Суббота. С. 3384, 3386).

Очевидно, после получения иконы император повелел изготовить покров из золотой парчи с золотыми часами и кистями на мощи свт. Митрофана, о чем 26 августа 1832 г. Воронежский архиерей был официально уведомлен (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 116). Тогда же, в августе, было составлено подробное описание всех действий, имевших место при открытии мощей свт. Митрофана. Подписал его архиеп. Григорий (Постников) (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 135 об.–144 об.).

Своеобразным продолжением торжеств стало посещение Воронежа императором Николаем I. Посещение началось спустя 40 дней после открытия мощей, 16 сентября 1832 г. О приезде самодержца церковные власти Воронежа узнали только 12 сентября, что свидетельствовало о том, что поездка заранее не была согласована. Однако сам факт приезда царя на поклонение новому святому представлял собой из ряда вон выходящее событие. Неслучайно епископ Антоний составил по этому поводу специальное письмо, 23 сентября 1832 г. отослав его обер-прокурору Св. Синода князю П. С. Мещерскому. Несмотря на то, что самодержца ожидали 16 сентября вечером, он приехал утром («в 10-м часу»), подъехав прямо к кафедральному собору. Там его и встретили архиерей и духовенство, пропев сугубую ектенью и многолетие правящему монарху. После этого Николай I приложился к мощам и принял поднесенную ему икону свт. Митрофана. Днем еп. Антоний и местные клирики представлялись императору, а сам владыка получил возможность беседовать с ним наедине. На следующий день, 17 сентября, утром, император вновь посетил собор, слушал молебствие святителю, приложился к мощам — и затем отправился в дальнейшее путешествие. Еп. Антоний после отъезда Николая I совершил Литургию и благодарственное молебствие с провозглашением многолетия самодержцу и его Дому (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 170–171).

Спустя некоторое время информация о посещении императором Воронежа и поклонении мощам появилась в повременных изданиях, в том числе в «Северной пчеле», в «С.-Петербургских ведомостях» и в «Московских ведомостях». В газетах, как то было принято, писали о пребывании самодержца в патетических тонах. «Московские ведомости», к примеру, писали, что «невозможно было без душевного умиления видеть, с каким благоговением, с каким христианским смирением свершил сей повелитель миллионов поклонение святым мощам!». Но, думается, следует обратить внимание не столько на официозные сентенции, сколько на политическую их составляющую: Николай I пытались представить читателям продолжателем и последователем Петра Великого. Описывая «поклонение», журналисты «Московских ведомостей» заявляли: «так должен чувствовать и действовать РУССКИЙ ЦАРЬ, чтобы собственным примером подкрепить в своих подданных веру, как единственное и благонадежнейшее средство к счастью временному и вечному, и к утверждению благосостояния государства на незыблемом основании. Так поступал Великий Пётр, незабвенный Благодетель Отечества!

Сходство Николая I с Петром I разительное, — заявляли далее „Московские ведомости“. — Обоим государям предстояло, при начале царствования, усмирить крамолы, низложить внутренних и внешних врагов, успокоить, возвеличить Россию. Провидению угодно было возложить на Николая I то, что начал Пётр I. Пётр отдал справедливость доблестным подвигам святителя Митрофана, и узнав о кончине сего святого мужа, поспешил приехать в Воронеж, и нёс сам, на раменах своих, земные останки его. Николаю предоставлено Всеблагим Промыслом способствовать к прославлению сего угодника Божия, и он прибыл нарочно в Воронеж, чтобы свершить поклонение святым мощам его» (Московские ведомости. 1832. 15 октября. № 83. Суббота. С. 3630).

Итак, император Николай I назывался не только продолжателем дел Петра Великого, но, по сути, и благодетелем Отечества, благочестие которого есть залог блестящего будущего страны и ее народа. Не случайно же, сообщая читателям в сентябре 1832 г. о завершении путешествия самодержца в Воронеж и о его приезде в Москву, те же «Московские ведомости» вспоминали о поклонении Николая I «святым мощам

угодника», подчеркивали: свт. Митрофан «некогда» ознаменовал век Петра Великого, и «ныне» является «новым залогом Великой Благодати Господней к православной России» (Московские ведомости. 1832. 21 сентября. № 76. Среда. С. 3372 (вклейка); С.-Петербургские ведомости. 1832. 25 сентября. № 227. Воскресенье. С. 939). «Некогда» сопрягались с «ныне», прошлое — с настоящим, настоящее же — как залог еще более прекрасного будущего.

Официозные поэты сочиняли соответствующие вирши, в которых вновь и вновь утверждалась мысль о «сходстве» двух «Первых» — императоров Петра Великого и Николая Павловича. Так, писатель-сентименталист и издатель «Московских ведомостей» князь П. И. Шаликов (1768–1852) в то время написал четверостишие под названием «К лику Чудотворца Митрофана».

«Небесной благодати таинственный залог,
Хранимый Промыслом Праправнуку Петрову,
За доблести ЕГО, явил нам ныне Бог
В Святителе Своём, как милость свыше нову!»⁵.

«Таинственный залог» «небесной благодати», по словам князя, был дан за доблести императора Николая Павловича, не больше и не меньше. О том, что этот «залог» незримо (но, тем не менее, явно) связан с Петром Великим, российские подданные могли узнать и ознакомившись с книгой под названием «Краткое описание пребывания государя царя и великого князя Петра Алексеевича I-го в Воронеже, и Митрофан, первый епископ Воронежский». К книге «присовокуплялось» изображение святителя и, в качестве дополнения, помещалась информация о совершившейся канонизации его, а также о пребывании в Воронеже императора Николая I⁶.

В 1832 г. российские повременные издания достаточно часто публиковали на своих страницах информацию о книгах, посвященных свт. Митрофану и выпущенных по случаю готовившейся, а затем и состоявшейся канонизации⁷. Распространялись и изображения святителя: в архиерейской мантии, в схиме, в левой руке держащим

⁵ Московские ведомости. 1832. 5 октября № 80. Среда. С. 3511.

⁶ См. информацию в разделе «О Российских книгах»: (Московские ведомости. 1832. 24 декабря. № 103. Суббота. С. 4684–4685). Авторами значились неназванные «С. Т. С-ник» и «А. С. Ф..м». Как показательный курьез можно рассматривать то, что спустя два года, в 1834 г., спустя Духовно-учебный комитет Св. Синода запретил печатание этой книги. (См.: [Зеленина, 1998, 251]. Автор ссылается на архивные документы: РГИА. Ф. 804. Оп. 13. Д. 529). Запрещение было вызвано вовсе не «крамольными» пассажами, содержащимися в тексте, а тем, что в то время шла активная работа по подготовке окончательного варианта текста «Жития» свт. Митрофана. То, что считалось вполне приемлемым при характеристике отношений царя и архиерея до канонизации последнего, после торжества прославления святителя — при составлении канонического его «Жития» — стало восприниматься иначе, потребовало корректировки.

⁷ Так, активно популяризировалась выпущенная в Университетской типографии Москвы книга «Начертание жития епископа Воронежского Митрофана», автором которой значился «А. Д.». (См. напр.: Московские ведомости. 1832. 2 июля. № 53. Суббота. С. 2363; 6 августа. № 63. Суббота. С. 2837; 13 августа. № 65. Суббота. С. 2919; 24 августа. № 68. Среда. С. 3047; 31 августа. № 70. Среда. С. 3130; 14 сентября. № 74. Среда. С. 3275; 28 сентября. № 78. Среда. С. 3456; 8 октября. № 81. Суббота. С. 3563; 12 октября. № 82. Среда. С. 3612; 15 октября. № 83. Суббота. С. 3649; 31 декабря. № 105. Суббота. С. 4808 [Доп. лист]). Следует отметить, что в информационном сообщении от 28 сентября 1832 г. сообщалось о том, что «Начертание» вышло уже вторым изданием, указывалось также, что его автор — священник, хотя, как и раньше, давались только его инициалы — «А. Д.». Второе издание уже включало несколько статей, касающихся жизни святителя и истории открытия его мощей, а также доклад Св. Синода от 25 июня 1832 г., в котором упоминались и чудеса, происходившие от угодника. Цена книги возросла: если ранее она стоила 1 рубль 50 копеек (2 рубля с пересылкой), то теперь, «в цветной обёртке» — уже 2 рубля (а с пересылкой — 2 рубля 50 копеек). Упоминалась и книга прот. Иоанна Григоровича «Житие Св. Митрофана, первого Епископа Воронежского», изданная в Санкт-Петербурге. (См.: Московские ведомости. 1832. 31 августа. № 70. Среда. С. 3124). Её цена изначально составляла 2 рубля 50 копеек.

жезд, а правой благословляющим верующих. На изображении помещались три строки из духовного завещания св. Митрофана: «Употреби труд, храни умеренность, богат будеши. Воздержанно пий, мало яждь, здрав будеши. Твори благо, бегай злого, спасен будеши»⁸.

Впрочем, прежде всего следует отметить иную книгу, изданную в том же 1832 г. по определению Св. Синода. Ее составил митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов; 1782–1867), хотя его имя на обложке и не значилось. Называлась книга многословно: «Сказание о обретении и открытии честных мощей иже во святых отца нашего Митрофана, первого епископа Воронежского, и о благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях. Извлечено из актов и донесений имеющихся в Святейшем Синоде».

Открывалась книга краткой информацией о святителе, память которого чтится со времен его кончины в 1703 г. В 1820 г., писал митрополит Филарет, очевидно имея в виду 1830-й г., заметили, что число почитателей его «возросло до многочисленного стечения их к месту погребения его». Тогда же о «возраставшем благоговении народа» сообщили в Св. Синод, который, решив не приступать ни к какому действию, положил ожидать «дальнейших указаний Провидения», предписав еп. Антонию наблюдение за событиями. Последний, в свою очередь, приказал «вести записку» о происходивших чудесных исцелениях [Сказание, 1832, 3–5].

Далее излагалась уже известная нам история: о ремонте осенью 1831 г. кафедрального собора в Воронеже, открытии склепа и обнаружении в нем гроба с нетленным телом свт. Митрофана; о том, что в начале 1832 г. об этом «в тайне» донесли императору, повелевшему представить дело к рассмотрению Св. Синода. Сообщалось, что Св. Синод потребовал из Московской Синодальной конторы завещание свт. Митрофана, а от Воронежского епископа Антония — записку об исцелениях при его гробе. Упоминалось, что были употреблены «средства испытания», предписанные Духовным регламентом⁹ и до того использовавшиеся при обретении мощей свт. Дмитрия Ростовского и Иннокентия Иркутского; что была составлена «исследовательная комиссия», произведшая освидетельствование мощей свт. Митрофана, оказавшихся нетленными. Исследование подтвердило также истинность многочисленных событий с исцелениями. Собственно, в данном случае митр. Филарет (Дроздов) лишь восстановил основную канву событий, не более того.

Затем он привел случаи исцеления болящих, произошедшие после их молитвенного обращения к свт. Митрофану. Упоминалось 35 случаев, из которых 27 были связаны с девочками и женщинами. Большинство из них принадлежали к дворянскому сословию, были женами и дочерьми помещиков, чиновников, военных. 13 примеров исцелений (из 27) касались женщин и девочек из «неблагородных» сословий: дворовых, однодворцев, экономических крестьян, а также купцов и «духовных» (см. подр.: Сказание, 1832, 10–16, 18–42, 57–61, 64–68)). То, что большинство свидетельств об исцелениях касалось женщин, удивления не вызывает, это, скорее, типичная ситуация. Видимо, по этой причине она никак и не оценивалась.

Разумеется, в книге подробно описывалось открытие мощей, говорилось, что «на торжество собралось около 50000 народа» (Сказание, 1832, 42–57). Составитель указал также, что ежегодное церковное празднование в честь свт. Митрофана решили (испросив соизволения у «покровителя Церкви» — императора Николая I) совершать в день кончины святителя. Вспомнив о самодержце, митр. Филарет (Дроздов) далее отметил: «так устроил Верховный Владыка дней и веков, что сие совершилось в 25 день

⁸ Московские ведомости. 1832. 31 августа. № 70. Серед. С. 3124. Информация об изображении св. Митрофана (с указанием цены: 3 рубля и 4 рубля — с пересылкой) публиковалась и в других номерах «Московских ведомостей» (См. напр.: Московские ведомости. 1832. 3 сентября. № 71. Суббота. С. 3150, 3159).

⁹ В Духовном Регламенте содержалось положение, гласившее: «О мощах святых, где какия явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано». См.: (ПСЗ-I, 1830. Т. VI: 1720–1722. С. 320).

июня: и таким образом НИКОЛАЙ Первый, вместе с Православною Церковью, признал на главе святителя Митрофана райский венец, в тот день, в который за полтора века святитель Митрофан принес Царский венец ПЕТРУ Первому, при торжестве его коронования» (Сказание, 1832, 43). Так вновь подчеркивалась некая «мистическая» связь, существовавшая между Петром I и Николаем I, вступившим на престол спустя чуть более 100 лет после кончины своего венценосного предка, в венчании на царство которого — 25 июня 1682 г. — принимал участие и свт. Митрофан. Обратим внимание на указанное обстоятельство.

Действительно, свт. Митрофан был одним из немногих русских архиереев, пользовавшихся глубоким уважением великого реформатора России. В конце XVII в. он оказывал поддержку Петру I в период организации царем воронежской корабельной верфи для строительства военных судов, которые должны были участвовать в Азовском походе. В своих проповедях свт. Митрофан поддерживал действия царя и, как правящий архиерей, содействовал строительству кораблей, жертвовал на него крупные суммы. Более того, он считал возможным заимствовать с Запада технические знания. Учитывая, что действия царя-реформатора не находили среди русского епископата безусловной поддержки, отношение Воронежского архиерея к государственной деятельности самодержца не могло не вызвать «высочайшего» одобрения. Царь с уважением относился к свт. Митрофану, по его ходатайству даже уменьшил государственные повинности для некоторых воронежских обитателей. Владыка, конечно, не мог понять и принять живого интереса Петра I к античности, его стремления украшать свои резиденции и сады античными скульптурами (однажды свт. Митрофан даже отказался явиться в царский дворец, увидев во дворе статуи античных богов и богинь — «языческих идолов»). Но всё это были «частности». Главное — у Петра I и свт. Митрофана существовала взаимная симпатия. После кончины последнего царя, по свидетельствам очевидцев, с сожалением говорил, что у него более не осталось «такого святого старца» [Сечина].

В эпоху николаевского царствования, когда имперские притязания самодержавной власти максимально усилились, а идеи «охранительства» неизменно год от года укреплялись (хотя в то время еще не получили законченного оформления в знаменитой «триаде»), *политические воспоминания* о Петре Великом стали необходимым элементом государственной идеологии. История прославления свт. Митрофана оказалась *и поэтому тоже* весьма востребованной. Впрочем, здесь не следует искать «корыстный умысел», просто ситуация так складывалась, что и у церковных деятелей, и у официозных публицистов появлялась возможность для *политического сравнения* Петра I и Николая I — православных государей, в разное время решавших одни и те же — имперские — задачи. Решение этих задач однозначно понималось как безусловное благо — и для народа, и для Отечества.

Показательно, что и современные церковные деятели, вспоминая свт. Митрофана, акцентируют внимание на политической проблематике, подчеркивая, что он дал пример «образа христианина», любившего свое Отечество и стремившегося к его благу. В 2007 г., в 175-летнюю годовщину прославления свт. Митрофана Воронежского, исполнявший обязанности ректора Воронежской духовной семинарии иером. Иннокентий (Никифоров) заявил: «В трудное для нашей страны время петровских реформ он оказался выше и политиков-реформаторов, ставивших цель всё в России изменить на западный манер, и стремящихся к изоляции и замкнутости раскольников-старообрядцев и их сторонников. Он сумел быть верным чадом Царю Небесному и бескомпромиссным верноподданым царю земному» [Приветствие].

Возвращаясь к разговору об эпохе императора Николая I, следует подчеркнуть: «бескомпромиссная верноподданность», прилагательно к второй четверти XIX в., значила безусловную преданность «царю земному», оказание полной ему поддержки. Так, собственно, и понимали «преданность» свт. Митрофана Петру I панегиристы его венценосного праправнука. Так писали о нем и церковные деятели тех лет (не употребляя, разумеется, слово «преданность»).

Могло ли быть иначе?

Можно однозначно ответить: нет, не могло. Тем более, что составитель «Сказания об обретении и открытии честных мощей иже во святых отца нашего Митрофана, первого епископа Воронежского...» митр. Филарет (Дроздов) был глубоко убежден в провиденциальной истинности идеи самодержавия как *Божественного принципа*. Ему принадлежат слова о том, что «Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле Царя, по образу Своего вседержительства — Царя Самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века — Царя наследственного»¹⁰.

Зная, как свт. Филарет понимает самодержавие, возможно оценить и его слова о необходимом «дополнении» к церковной славе прославляемого владыки: «то, чтобы, как державным присутствием ПЕТРА Первого украшено было погребение тела его, так державным присутствием Николая Первого почтено было нетление мощей его. Благочестие ГОСУДАРЯ не умедлило» (Сказание, 1832, 62). Под «неумедлением» понималось посещение императором Николаем I 16 и 17 сентября 1832 г. воронежского кафедрального собора и преклонение перед мощами свт. Митрофана.

Завершалось же «Сказание...» упоминанием о «домашней тайне» царя. Свт. Филарет информировал читателей книги о том, что не только государь хотел посетить Воронеж, — его о том же («по собственному побуждению») просила и супруга, императрица Александра Фёдоровна. В результате «Бог благословил сие благочестивое единомыслие Августейшей четы, и вскоре по исполнении святолюбивого намерения, обрадовал ИХ ВЕЛИЧЕСТВА благополучным рождением четвёртого сына, великого князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА, после кратчайших, нежели обыкновенно, болезней рождения» (Сказание, 1832, 63–64).

Судя по последнему абзацу, книга, в окончательной своей редакции, появилась после середины октября 1832 г. (великий князь Михаил, названный в честь младшего брата государя, великого князя Михаила Павловича, появился на свет 13 октября 1832 г.). К тому времени торжества закончились, а главные участники его вскоре получили высокие награды: 5 декабря император пожаловал архиеп. Григорию (Постникову) и архиеп. Евгению (Казанцеву) папагии с бриллиантовыми украшениями, еп. Антоний (Смирницкий) был возведен в сан архиепископа, а архимандрит Спасо-Андрониева монастыря Гермоген награжден орденом Св. Владимира 3-й степени (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 183, 184, 186, 187, 199–199 об.).

В декабре 1832 г. «Сказание о обретении и открытии честных мощей, иже во святых отца нашего Митрофана...» было поднесено императору, наследнику престола — цесаревичу Александру Николаевичу, его сестрам — великим княжнам Марии, Ольге, Александре Николаевнам, императрице Александре Фёдоровне, великому князю Михаилу Павловичу и его супруге великой княгине Елене Павловне (РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. Л. 192, 193, 194, 195, 208).

Так завершился 1832 г., ознаменовавшийся торжеством прославления свт. Митрофана. В дальнейшем, во второй половине XIX в., по чину открытия его мощей были совершены открытия мощей двух других праведников — свт. Тихона Задонского (Соколова; 1724–1783) — в 1861 г., и свт. Феодосия Черниговского (Полоницкого-Углицкого; 1630-е — 1696) — в 1896 г. [Голубинский, 1903, 491]. Следует также отметить, что, согласно церковному преданию, открытие мощей свт. Митрофана задолго до начала массового почитания было предсказано преподобным Серафимом Саровским (1754–1833)¹¹.

В 1833 г., в день рождения императора Николая I, мощи свт. Митрофана были перенесены из Архангельского собора в отремонтированный кафедральный Архангельский собор Воронежа, а в ноябре 1833 г. переложили их в специально изготовленную серебряную раку. В 1836 г. при кафедральном соборе был официально

¹⁰ Цит. по: [Самодержавие, 1906, 176–177].

¹¹ См. подр.: [Зеленина, 2017, 445].

учрежден первоклассный Митрофаньевский Благовещенский монастырь [Зеленина, 2017, 447–448].

Впрочем, на этом поклонение мощам свт. Митрофана императором Николаем I и членами Дома Романовых не ограничилось. Спустя пять лет, летом 1837 г., Воронеж посетил наследник престола великий князь Александр Николаевич (5–7 июля) и императрица Александра Фёдоровна с великой княжной Марией Николаевной (13–16 августа). В августе императрица вручила архиеп. Антонию алмазный крест на клобук, пожалованный владыке ее венценосным супругом при комплиментарном рескрипте от 26 июля 1837 г. За время своего пребывания в Воронеже императрица посетила монастырь шесть раз, поклоняясь мощам свт. Митрофана и даже совершив однажды уединенное моление (тогда ее сопровождал только министр Императорского двора и уделов князь П. М. Волконский; 1776–1852). Показательно, что Александра Фёдоровна лично положила на мощи парчовый покров, а великая княжна Мария Николаевна «в дар трудов своих» принесла к подножию раки ковер [Савостьянов, 1852, 95–99].

Вскоре в Воронеж прибыл брат царя — великий князь Михаил Павлович, приезжавший на закладку здания Михайловского кадетского корпуса. Он также посетил монастырь: когда приехал в город и когда уезжал обратно (визит состоялся 14–15 сентября). Месяц спустя, 18 октября, Благовещенский Митрофанов монастырь посетила супруга великого князя — Елена Павловна. В течение трех дней пребывания в Воронеже (с 18 по 20 октября) она пятикратно прикладывалась к мощам и образу Божией Матери Одигитрии, как и императрица, уединенно молилась над мощами. Великая княгиня подарила монастырю золотое паникадило, украшенное драгоценными камнями [Савостьянов, 1852, 99–101].

А 24 октября в Воронеж на поклонение мощам свт. Митрофана в сопровождении наследника престола прибыл император Николай I. Утром следующего дня они посетили храм. Император, «положив три земных поклона пред образом Божией Матери Одигитрии, приложился к оному; потом совершил троекратное молитвенное земное поклонение пред мощами святителя Митрофана, и к ним приложился. Что сделал и великий князь цесаревич». Венценосец и его наследник присутствовали на молебне, совершенном архиеп. Антонием, прикладывались ко кресту, были окроплены святой водой и вновь, в сопровождении владыки, приложились к мощам, вновь положив по три земных поклона перед иконой Божией Матери Одигитрии и перед ракой свт. Митрофана. В состоявшейся беседе с царем архиеп. Антоний назвал его супругу «Учителем веры и благочестия», поскольку, по словам владыки, она «собою показала пример, как должно благоговеть» [Савостьянов, 1852, 101–103].

В истории императорской России XVIII — первой половины XIX вв. подобное — «семейное» — посещение самодержцем и членами его семьи места упокоения прославленного Церковью праведника было случаем неординарным. Дань уважения памяти свт. Митрофана отдали император и императрица, наследник престола и старшая дочь монарха, великокняжеская чета — любимый брат Николая I и его супруга. Безусловно, они верили к чудодейственную помощь праведника в силу его молитвенного предстательства перед Богом.

А в 1838 г. увидело свет «Житие» свт. Митрофана [Житие, 1838], составленное скончавшимся за год до того иером. Аникитой (князем Ширинским-Шихматовым; 1783–1837) по просьбе архиеп. Антония. Ученый иеромонах и действительный член Императорской Академии наук, он обобщил все имевшиеся на тот момент сведения о жизни и деяниях святого. Митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфиатов; 1779–1857) представил «Житие» в Св. Синод, оно было одобрено и разрешено к напечатанию. К «Житию» присоединили и составленное митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым) «Сказание о обретении и открытии честных мощей иже во святых отца нашего Митрофана...» [Зеленина, 1998, 251]. Так увидело свет «Житие» свт. Митрофана, полностью соответствовавшее не только православным канонам, но и церковно-политическим представлениям русских иерархов эпохи Николая I.

Впрочем, важно отметить и иной момент, о котором уже приходилось говорить: свт. Митрофан в официозных публикациях того времени представлялся как соратник и единомышленник великого преобразователя России — Петра I, то есть как церковный деятель, способствовавший успешному развитию страны, год от года усиливавшей свою мощь и постепенно превращавшейся в сильнейшую страну христианского мира. Николай I позиционировался как продолжатель имперского строительства, идейный наследник петровских традиций, имевших не только политические, но и религиозные основания. Символом «религиозного преемства» — от Петра I к Николаю I, думается, и стал свт. Митрофан, которого можно назвать «святым империи», достигшей в царствование праправнука царя-реформатора своей максимальной силы и могущества.

Источники и литература

Источники

РГИА — Российский государственный исторический архив

1. РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10253. (Об особом почитании, оказываемом гражданами к памяти покойного тамошнего епископа Митрофана)

2. РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1244. [Краткое описание жизни и деяний первопрестольного Воронежского преосвященного Митрофана]

3. РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 111 (Копия со всеподданнейшего доклада Синода об открытии мощей Святытеля Митрофана)

4. Московские ведомости. 1832. 2 июля. № 53. Суббота. С. 2363; 6 августа. № 63. Суббота. С. 2837; 13 августа. № 65. Суббота. С. 2919; 24 августа. № 68. Середа. С. 3047; 27 августа. № 69. Суббота. С. 3066; 31 августа. № 70. Середа. С. 3124, 3130; 3 сентября. № 71. Суббота. С. 3150, 3159; 7 сентября. № 72. Середа. С. 3179; 14 сентября. № 74. Середа. С. 3275; 21 сентября. № 76. Середа. С. 3372 (вклейка); 24 сентября. № 77. Суббота. С. 3383, 3384, 3386; 28 сентября. № 78. Середа. С. 3456; 5 октября № 80. Середа. С. 3511; 8 октября. № 81. Суббота. С. 3563; 12 октября. № 82. Середа. С. 3612; 15 октября. № 83. Суббота. С. 3630, 3649; 24 декабря. № 103. Суббота. С. 4684–4685; 31 декабря. № 105. Суббота. С. 4808 [Доп. лист].

5. С.-Петербургские ведомости. 1832. 18 августа. № 194. Чт. С. 807; 27 августа. № 202. Суббота. С. 839; 25 сентября. № 227. Воскресенье. С. 939

6. Житие (1838) — Житие иже во Святых отца нашего Митрофана, в схимонасах Макария, первого епископа Воронежского и новоявленного чудотворца, и Сказание об обретении и открытии честных его мощей, и о благодатных при том знаменях и чудесных исцелениях. Извлечено из актов и донесений, имеющихсЯ в Святейшем Синоде. М., 1838.

7. ПСЗ-I (1830) — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. (ПСЗ-I). СПб., 1830. Т. VI: 1720–1722.

8. Савостьянов (1852) — Савостьянов Н. М. Жизнь преосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского. СПб., 1852.

9. Сказание (1832) — Сказание о обретении и открытии честных мощей, иже во святых отца нашего Митрофана, первого Епископа Воронежского и о благодатных при том знаменях и чудесных исцелениях. Извлечено из актов и донесений имеющихсЯ в Святейшем Синоде. СПб., 1832.

Литература

10. Голубинский (1903) — Голубинский Е., проф. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903.

11. Зеленина (1998) — Зеленина Я. Э. Некоторые подробности канонизации св. Митрофана Воронежского по материалам РГИА // Макариевские чтения. Можайск, 1998. Вып. 6.

12. Зеленина (2017) — *Зеленина Я. Э.* Митрофан [Почитание] // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. XLV. С. 445.

13. Приветствие — Приветствие и. о. ректора Воронежской православной духовной семинарии иеромонаха Иннокентия (Никифорова) участникам Межрегиональной научно-практической конференции «175-летие прославления святителя Митрофана, выдающегося церковного и государственного деятеля» // 175 лет прославления святителя Митрофана, первого епископа Воронежского. URL: <http://www.vob.ru/mitropolit/service/2007/september/19/ректор.htm> (дата обращения: 27.07.2020).

14. Самодержавие — Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. СПб., 1906.

15. Сечина — *Сечина И.* Святитель Митрофан Воронежский: жизнь с царём // Православный церковный календарь. URL: <https://azbyka.ru/days/p-svjatitel-mitrofan-voronezhskij-zhizn-s-carem> (дата обращения: 27.07.2020).

16. Соснин (1832) — *Соснин Д. П.* О нетлении святых мощей в Церкви Христианской. СПб., 1832.